

ИРИНА МАЛЫШКО

**ВОЙНА
МАЛЕНЬКОГО
ЧЕЛОВЕКА**

Харьков
«ФОЛИО»
2016

СТРАННОЕ ЛЕТО 2014-го

Донецк пустел на глазах. В какой-то момент я обнаружила, что осталась практически одна в подьезде, не считая несколько пар пенсионеров.

Я всегда хорошо переносила одиночество. Несколько последних лет была «свободным художником» и работала дома, так что мне было не привыкать. Мой режим дня не слишком изменился. Из дома я выходила редко.

Мой дом располагался очень удачно — между двумя большими супермаркетами и модным спортклубом «Спортмакс». На моем внутреннем сленге они назывались: «Мой бермудский треугольник».

Чтобы привлечь хоть каких-то клиентов в опустевшем городе, спортклуб сделал очень выгодные скидки. Я купила абонемент и дрейфовала между спортклубом, домом и супермаркетами. К тому же в «Спортмаксе» была всегда горячая вода. В квартиры давали уже порционно: только по четыре часа.

В спортклуб людей ходило очень мало, точнее, их практически не было, но единицы, те, что остались — ходили постоянно. Даже после серьезных ночных обстрелов утром все были на беговых дорожках. Я подружилась с тренерами. Один из них отлично пел. Тренировки проходили под его сопровождение а капелла. Было весело. В спортзале ты вообще забывал, что происходит за окнами клуба.

В какой-то момент наших страшных событий у меня началась Ван-Гого-мания. Голландские промышленные районы на картинах Ван Гога, очень напоминавшие родные донецкие просторы, его желто-голубые натюрморты так перекликались с событиями, происходившими вокруг меня, и вселяли столько надежды на лучшее, что я стала давать этим картинам свои собственные названия. Позднее к игре «Ван Гог — самый украинский из самых украинских художников» присоединились и мои друзья.

Я работала, постила Ван Гога, придумывая с друзьями новые названия к его картинам, занималась спортом, лопала свои любимые шоколадки *Roshen* и мороженое типа *Baskin-Robbins*, приобретаемые в супермаркетах рядом с моим домом. Мороженое было неестественно голубого цвета. «Голубой ангел. Со вкусом моря», — невозмутимо пояснила мне продавщица. Море этим летом мне явно не светило, зато спортивные упражнения, шоколадки и мороженое отлично помогали справляться с перманентным стрессом, в котором мы все пребывали.

Город продолжал жить своей скрытой жизнью. Исправно работали коммунальщики, независимо от того, были обстрелы или нет. Как по часам вывозили мусор. Подстригали и поливали газоны. Временами работа коммунальных служб напоминала маниакальный женский психоз, когда в состоянии крайнего стресса женщина начинает вычищать свою квартиру до блеска. Что-то было в этом жуткое: пустой город с идеально чистыми улицами, идеально подстриженными газонами и идеально обработанными клумбами.

Выходить в «большой город» мне не хотелось, там то и дело попадались «эти» в камуфляже с полосатыми ленточками, автоматами и в резиновых тапках.

Периодически я все же делала вылазки. Как минимум, мне нужно было проведывать свою тяжело больную тетю. Жизнь продолжалась, несмотря ни на что. Но город сильно изменился. Как всегда чистый, ухоженный, тем не менее, он стал другим. Заколоченные витрины, отсутствие прохожих на улицах, пустые дороги, неработающие многочисленные кафешки. На месте рекламных баннеров теперь висели плакаты, призывающие бороться с хунтой и фашизмом и вступить в армию новоявленной «Донецкой республики».

Мое бурное воображение почему-то постоянно переносило меня в Женеву времен Кальвина, когда некогда веселый и радостный город превратился в город-монастырь. Но встречающиеся на каждом углу баннеры с изображением чапаевской конницы, борющейся с фашистами, с маниакальной настойчивостью напоминали о том, что я не в шестнадцатом веке и совсем не в Женеве.

Донецк своими вымершими и безлюдными улицами больше походил на Припять после Чернобыля. Правда, из всех щелей вылезли бомжи, заменив собой прекрасных

девушек Донецка. У них я пользовалась популярностью. Постоянно слышала комплименты в свой адрес. Но даже такое повышенное мужское внимание не заставило меня снять любимые подданные шорты, майку и экотапки. Иногда в моей голове появлялась мысль: «А может, они меня просто принимают за свою?» Но одеваться, наряжаться — абсолютно не хотелось, эта составляющая жизни ушла куда-то на задний план.

Милиции в городе не было давно. После расстрела поста ГАИ гаишники исчезли из города. По дорогам периодически проезжали одинокие троллейбусы, в которых перемещались немногочисленные пассажиры исключительно преклонного возраста.

«Отсутствие пробок на улицах — это главное достижение республики», — была такая местная шутка. Машин на дорогах не было видно вообще. Лишь изредка встречалась какая-то убитая «шестерка», теперь на таких марках ездили

«Поверка на дорогах». В «мерседесе» люди с георгиевскими ленточками

жители города. Привычные для Донецка «порши», «мерсы», «ауди» остались в мирной жизни.

Одной из достопримечательностей мирного Донецка был «хаммер», выкрашенный в ярко-розовый цвет, который обычно ассоциируется с куклами Барби. В прежней жизни этот розовый «хаммер» отлично вписывался в традиции золотисто-серебристой донецкой моды, можно даже сказать, был одной из визитных карточек Донецка. История приключений этого «хаммера» очень символична. Принадлежал он одной прекрасной леди, была она то ли женой, то ли дочкой какого-то губернского начальника, возможно, даже статского советника. История про эти подробности умалчивает. Леди часто попадала в местные светские хроники за езду на красный свет. Жила она радостно и припеваючи, ни о чем не думая, как и все люди в благополучном и сытом губернском городе в то золотое время, когда город входил в состав тридевятого царства, тридесятого государства. Жители даже гордились розовым «хаммером» — как символом их сытой, благополучной и ни к чему не обязывающей жизни. Но в город неожиданно-негаданно пришли «мальчиши-плохиши» из соседнего братского королевства. И стали забирать «мальчиши-плохиши» дома и машины у жителей сытого и благополучного губернского города. И у прекрасной леди отобрали ее розовый «хаммер». А затем перекрасили венником в цвета «камуфляжа», согласно моде братского королевства. И теперь этот перекрашенный венником «хаммер» превратился в новый символ губернского города, города, в котором стали жить припеваючи только «мальчиши-плохиши».

Угнан «мальчишами-плохишами» был, конечно, не только розовый «хаммер». Если этим летом по Донецку ехал «крутой» автомобиль, значит, машина была экспроприрована новыми «хозяевами жизни». Довольно часто автомобили исчезали вместе с их законными владельца-

ми. «Разыскивается! Уехал и не вернулся...» — то и дело встречались в интернете объявления.

Номера на угнанных машинах обычно заклеивались словом «Новороссия». Я помню, к одному из супермаркетов около моего дома подъехало семейство с георгиевскими ленточками на большом золотистом *Hyundai* с номерами «Новороссия». На нем футболка, заправленная в спортивные штаны, неизменная ленточка, классические черные туфли, бейсболка и автомат. Она вся из себя нарядная, и дочка с бантом. Они припарковались, гордо вышли. Я себе представила картину. Приходит «мальчиш» домой, показывает ключи от машины и говорит: «Дорогая, у нас новая машина, отжал».

Больше всего меня поражали «их» женщины — женщины в камуфляже, с автоматами и георгиевскими ленточками. Особенно я запомнила одну. Ее даже можно было бы назвать стильной. Худая, высокая, в хороших высоких чер-

Распродажа в брендовом магазине

ных ботинках, стриженная под Энни Леннокс. Блондинка с каким-то неестественно ярко-желтым оттенком волос. И что-то такое было в ее лице. Она одновременно вызывала и отвращение, и жалость. Это и было лицо нашей войны: отталкивающе-истерзанное и очень жестокое.

С «Энни Леннокс» в камуфляже я столкнулась на распродаже перед закрытием на неопределенный срок фирменного магазина *Adidas*. Эра брендовых магазинов в Донецке заканчивалась, товар продавали по демпинговым ценам. Оставшиеся жители, съехавшиеся со всего города, стояли в очереди перед входом в магазин. Периодически подъезжали люди в камуфляже, проходя вне очереди. Я, как всегда, все узнала позже всех, уже почти все раскупили, да и желания стоять в очереди у меня особо не было. С распродажей кроссовок *Adidas* заканчивалась не только эра брендовых магазинов, заканчивалась эра прошлой мирной жизни, Донецк все глубже погружался в другую реальность.

ПРАЗДНИК «ОСВОБОЖДЕНИЯ НОВОРОССИИ»

Я хорошо помню день, когда в Донецк вошел Гиркин со своей «победоносной армией Новороссии». Помню, как все заворуженно следили у экранов мониторов за его маршрутом из Славянска через Краматорск в Донецк. Я почему-то тогда представила черно-белые кадры из старой хроники Второй мировой — немцы стройными рядами на мотоциклах беспрепятственно едут по Европе. Так и на наших глазах одним легким движением руки Донецк превращался в Славянск.

Я хорошо помню, как в Донецк колонной вошли танки с развевающимися российскими флагами и надписями

«На Киев» и «На Львов», как с грохотом они прошли мимо одной из самых популярных открытых террас, на которой восседали остатки донецкой модной публики, замершие с открытыми ртами. Это были снова нереальные кадры из нашего военного фильма. Томный летний вечер, застывшие от ужаса дамы с оголенными плечами и коктейлями в руках, и рычаще-грохочущие танки, проезжавшие мимо.

С приходом Гиркина город замер в непонятно-тревожном ожидании, и невероятные истории слышались одна за другой. На своем внутреннем сленге я называла эти истории «ужасами нашего городка». В одну из них я до сих пор не могу поверить, настолько она нереальна и нелогична. Позвонила моя близкая подруга, сбивчиво, дрожащим голосом стала описывать картину, случившуюся на ее глазах: «На набережной на детской площадке вооруженные боевики положили всех — и женщин, и детей — лицом на пол... Что хотели — неясно, что-то искали... За одну минуту вся набережная опустела».

Позвонила другая подруга, перепуганный голос: «Иду домой, мимо проезжает джип, автоматы со всех окон и стреляют!!! Хаотично! А по проспекту Мира идут танки в сторону центра».

Весь вечер, судя по звуку, где-то совсем рядом с моим домом раздавались автоматные очереди, мне очень хотелось выйти на балкон, выглянуть и посмотреть, что там происходит, но здравый смысл подсказывал, что этого делать не нужно.

Когда стрельба за окном наконец утихла, я долго не могла уснуть, лежала и думала: «Вначале одному психически нездоровому человеку пришла в голову идея стать императором. Потом другому психически нездоровому человеку пришла в голову идея придумать страну «Новороссию». Потом третий психически нездоровый человек решил почувствовать себя великим военачальником — Стрелком. И ты тут, такой маленький и несчастный, лежишь и ду-

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	5
Вступление. Четыре истории	7
История первая. Осада крепости	9
История вторая. Поиск героя	77
История третья. Гибель бога	91
История четвертая. Дорога домой	108
Эпилог	152